

Валерий Брюсов

Семь земных соблазнов

Валерий Яковлевич Брюсов

Семь земных соблазнов

Аннотация

«...В Столицу приехал я поздно вечером. После мрака и однообразия бесконечного тоннеля, по которому подземная железная дорога пробегает восьмую часть земной параллели, огни и движение главной станции, ее сутолка, гул и блеск меня ошеломили. Пятнадцать часов я просидел неподвижно, ни с кем не обменявшись ни единым словом, и, встав с дивана, первую минуту не мог ни действовать, ни мыслить: словно все пружины моего существа заржавели и окостенели...»

Содержание

От автора	4
Из первой части	7
Из главы первой	7
Из главы второй	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Валерий Брюсов

Семь земных соблазнов

Роман из будущей жизни

От автора

Весьма трудно определить эпоху, в которую происходят описываемые мною события. Многие стороны жизни представляют, по-видимому, культуру, стоящую на более высокой ступени, нежели современная. Другие явления, напротив, указывают на низший уровень развития человечества. Кроме того, общая картина жизни той эпохи ни в каком случае не соответствует тем формам, в какие она должна отлиться, если будет продолжаться последовательное развитие тех начал, на которых зиждется наша «европейская» цивилизация. Приходится предположить, что между эпохой, изображенной в романе, и современной произошла какая-то страшная катастрофа, аналогичная той, которая уничтожила античную цивилизацию. Затем следовал период нового, многовекового развития, в результате которого человечество достигло вновь приблизительно того же уровня внешней культуры, на котором оно стоит в наши дни. Вновь, частью как следствие новых изобретений и открытий, ча-

стью под влиянием сохранившихся сведений о славном прошлом, были найдены и возобновлены все те приспособления и ухищрения, которые составляют характерную особенность быта цивилизованных народов XX века. Вновь возникли многомиллионные города с домами-небоскребами, электрический свет вновь залил их улицы и их жилища, вновь пересекли всю землю рельсы железных дорог, вновь зашумели по всем путям автомобили, а в воздухе показались вновь дирижабли и аэропланы, страны соединились вновь телеграфами и телефонами, быстроходные стимеры¹ возобновили свои рейсы через океаны, и скоропечатные машины по-прежнему стали выбрасывать в миллионах экземпляров газетные листы. Согласно с этим опять заработали биржи и парламенты, напряженная умственная жизнь возродилась в университетах и в различных научных институтах, опять встали перед людьми все тягостные вопросы современности, в том числе вопрос об организации труда; и строение общества, сходное с тем, какое мы наблюдаем в наше время, привело к тем же решениям этого вопроса, какие предлагаются и современными нам теоретиками... Впрочем, аналогию эту не должно проводить слишком далеко, так как мы видим, что во многих отношениях эпоха, изображенная в романе, резко отличается от нашей современности, что многое в ней организовано на иных началах и что к разрешению многих задач она

¹ ...быстроходные стимеры... – род пассажирского судна, пароход (от англ. steamer).

подходит по иным путям, нежели мы. Во всяком случае мы встречаем в романе мир, стоящий на высокой ступени внешней культуры, но таящий в своем организме губительные язвы, грозящие самому его существованию.

В. Б.

Из первой части Богатство

Из главы первой

...В Столицу приехал я поздно вечером. После мрака и однообразия бесконечного тоннеля, по которому подземная железная дорога пробегает восьмую часть земной параллели, огни и движение главной станции, ее сутолка, гул и блеск меня ошеломили. Пятнадцать часов я просидел неподвижно, ни с кем не обменявшись ни единым словом, и, встав с дивана, первую минуту не мог ни действовать, ни мыслить: словно все пружины моего существа заржавели и окостенели.

Машинально, двигаясь за людьми, я поднялся, неся в одной руке свой скромный чемодан, на поверхность земли, вышел на подъезд Большого вокзала и сразу оказался в центре мировой сумятицы. Со ступеней широкой лестницы, ведущей к вокзалу, я видел перед собой громадную площадь, обставленную сорокоэтажными небоскребами; как реки в море, в нее вливались ярко освещенные улицы; за громадами домов высились зубчатые и темные громады других стен; в высоте, словно оторванные от земли, сияли станции воз-

душных дорог. От светов бесчисленных фонарей, радиоактивных, электрических, газовых и иных, что смешивались и скрещивались, получалось странное, слепительное и переменчивое освещение. Движение толпы, экипажей, вагонов, разбег автомобилей и ровное стремление трамваев образовывали непрерывное мелькание, беспорядочную смену видений. Визг электрических дорог, хрипение и грохот моторов, стук лошадиных копыт, шелканье бичей, выкрики газетчиков и продавцов² сливались с тысячеустым говором народа в один грозный, не лишенный гармонии, гул. И время от времени в темной вышине то вырастали огни плавно плывущего дирижабля, пыхтящего, как сказочный змей, своей могучей машиной, то загорались огненные точки кружащегося аэроплана и слышалось победное жужжание его пропеллера. И картина этой исступленной, этой ожесточенной жизни, это смешение звуков, образов и светов, столь обычные для жителя Столицы, меня, бедного провинциала, привыкшего к затишью маленького городка, потрясли, опьянили, почти лишили разума, так что долго стоял я на площадке лестницы в каком-то полумистическом страхе.

Десятки комиссионеров, видя мое смущение, наперебой предлагали мне свои услуги, тянули меня за рукава, совали мне в руки объявления, но, вдруг решившись, я оттолкнул

² ...шелканье бичей, выкрики газетчиков и продавцов... – реминисценции изображения большого города в стихотворении Брюсова «Конь блед» (1903): В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком Выкрики газетчиков и шелканье бичей.

нул их от себя, сбежал с лестницы и уверенно зашагал вперед, как человек, который хорошо знает, куда он идет. Так я пересек Площадь Мира, прошел до конца всю Большую улицу, заглядывая с любопытством провинциала на пышные выставки магазинов, которые за зеркальными окнами расставляют целые музеи всего, что изобретает современная роскошь, потом свернул на какую-то боковую улицу, сделал наугад еще несколько поворотов и, наконец, оказался на набережной. Здесь я остановился, почувствовав усталость и голод, и несколько минут стоял, опершись на парапет, смотря на темную зыбь реки, на фонари бороздящих ее моторов, на силуэт другого берега, сумрачный, строгий, с торжественным профилем Собора. Водная прохлада освежила мой смятенный ум, сравнительная тишина того места успокоила взволнованные чувства, и перспектива заречной части Столицы подсказала мне, что надо делать. Я понял, что нас – двое: город и я, один – громадный, страшный, всемогущий и беспощадный, другой – малый, бесприютный, слабый, но решившийся на борьбу. «Будьте мудры, как змии»³, – вспомнилось мне древнее изречение, и я подумал, что прежде всего должно мне смешаться с этим городом, раствориться в нем, стать «как все».

Я огляделся. Кругом было почти пустынно. Освещение было скудное; углы крылись во мраке. Изредка появлялись прохожие; они пробегали торопливо. Гул города доносился

³ «Будьте мудры, как змии»... – Евангелие от Матфея, X, 16.

издалека, как шум дальнего моря. Простор над рекой давал видеть небо, но сквозь туман, стоявший над столицей, звезды были тусклы и малы. У меня было такое ощущение, словно в своем быстром и бесцельном беге я дошел до края мира, где расположились последние становья жизни. «Здесь мне и должно поселиться», – тогда сказал я себе.

На одном из ближних домов, под слабо колеблемым керосиновым фонарем, я прочел вывеску: «Синяя Сирена. Комнаты для приезжих». Вид этой гостиницы был достаточно скромн, чтобы не смутить даже меня, при всей скудости моего кошелька. Я подошел к двери, позвонил. На этот звонок появился служитель с всклокоченной бородой, более пригодный для умирения пьяных драк, чем для услуг постояльцам. Он сначала внимательно оглядел меня, мало слушая, что я его спрашиваю, потом по-видимому счел меня подходящим для своего учреждения, распахнул шире дверь и знаком указал мне, что я могу войти.

Скоро я оказался временным обладателем узенькой комнаты с засаленными обоями, с старомодным комодом, на котором под стеклянным колпаком красовались бронзовые, давно стоящие на одной цифре часы, и с широкой кроватью, рассчитанной на случайную чету, а не на усталого путешественника. Наскоро умывшись, я прошел в столовую, так как ничего не ел с раннего утра, и спросил себе ужинать. В грязной комнате, изображавшей ресторан «Синей Сирены», среди посетителей, в которых, по их голосам и хват-

кам, легко было признать мелких служащих и рабочих, я почувствовал себя свободно, как человек, попавший в общество ниже себя. Здесь впервые за весь день я освободился от той робости, какую внушала мне Столица, не боялся сделать неуместный жест или сказать неподходящее слово. И я был рад отдохнуть от того напряжения, в каком провел почти сутки, и в вагоне подземной дороги, среди незнакомых мне важных господ, и на улицах города, в пышной и самоуверенной столичной толпе. То было в первый раз в жизни, что я должен был распорядиться в ресторане самостоятельно, но я постарался вести себя так, чтобы во мне нельзя было угадать подростка, привыкшего всюду появляться вместе с матерью.

Я уже кончал свой ужин, причем все время избегал чем бы то ни было вмешиваться в общее оживление, гудевшее кругом, когда вдруг к моему столу приблизился, немного пошатываясь, старик в потертом сюртуке, с большим фальшивым бриллиантом в галстук. Нахмурившись, я опустил глаза в чашку, чтобы выразить свое нежелание знакомиться, но старик, не смущаясь, заговорил со мной. Голос у него был сиплый и неприятный.

– Я вижу, – сказал он, – что вы, молодой человек, приезжий. Позвольте предложить вам распить со мной бутылку пива.

– Благодарю вас, я не пью пива, – ответил я.

– Вы предпочитаете вино? Что ж, я угощу вас поллитром доброго вина! – возразил старик самоуверенно и спокойно

сел за мой стол.

Я был еще столь неопытен во всем житейском, что совершенно не сумел защититься от такого посягательства на мою волю. Через минуту перед нами появилась бутылка с громким этикетом, стаканы были налиты, а старик, как бы не замечая, что я молчу недружелюбно, продолжал говорить беспрерывно:

– Я заработал сейчас сто франков. Да-с! иногда и я могу получать изрядные куши! Я – богат и вправе доставить себе удовольствие – угостить хорошего человека. Итак, позвольте представиться; старый Тобби, – так зовут меня все приятели, а впрочем, и неприятели. Другого имени у меня нет, не осталось – было, но не осталось. Я сразу догадался, что вы в первый раз в столице, и мой долг, как старика, предостеречь вас против тех опасностей, какие ждут здесь новичка. У меня есть сын, в ваших годах, я не видал его лет десять, жена моя не считает меня того достойным, но я, позвольте сказать вам это, люблю своего сына, именно как отец, и мне приятно оказать услугу юноше его возраста. Я буду говорить с вами как с сыном, и я откровенно скажу вам, какие встретятся вам подводные камни, как сказал бы своему Гарри, потому что моего сына зовут Гарри, как, может быть, и вас, милый юноша...

Мне, наконец, удалось вставить несколько слов, и я сказал, насколько мог суше, что благодарю за доброе желание, но в советах не нуждаюсь.

– О молодость! – воскликнул старик. – Узнаю тебя! Закрыв глаза, ты веришь в свои силы, хватаешься за всякий рычаг и думаешь, что именно им перевернешь мир! Я сам думал так же, когда мне было двадцать лет, и так же презирал брюзжанье стариков, так как уверен был, что знаю все лучше их! Я дорого заплатил за свою отвагу, как вы видите, потому что мог бы быть царем биржи и бросать министрам, как подачку, миллионы, а вместо этого я – маленький, темный делец, который хвастает, когда выработает сто франков! Ах, юноша, моя жизнь – это эпопея, возвышенная эпопея скорби и ужаса, и вы содрогнулись бы, если бы я приподнял пред вами краешек того покрывала, которым покрыто мое прошлое... Да, вы содрогнулись бы, а кое-кто, может быть, затрепетал бы по-другому, если бы я вздумал во всеуслышание рассказать все, что видел и что знаю. Потому что жизнь моя, как это ни покажется вам странным, связана крепкими нитями со многими из тех, кого называют сейчас сильными мира. Но вы не подумайте, что с вами говорит пустой хвастун или, еще хуже того, сумасшедший: нет! я только человек, которому Рок судил изведать все превратности судьбы и с вершины почестей пасть в грязь и позор – не нравственный позор, юноша, ибо честь моя не запятнана ни единой брызгой, но в унижение бедности и безвестности. Да, я не совсем то, чем кажусь с первого взгляда! Я ныне – старый Тобби, и ничего больше, но когда-то меня знали под другим именем, и звучало оно по-другому, и произносили люди его

иначе.

Старик говорил долго, сопровождая восклицания жестами, пил и заставлял пить меня. Сначала я только неохотно подавал реплики, но понемногу заинтересовался странным обликом своего собеседника, стал подробнее отвечать на его вопросы и даже сам спрашивать. В конце концов, может быть не без влияния выпитого вина, я уже не мог не рассказать, кто я и зачем приехал в столицу. Когда я назвал имя своего дяди, старик с немного преувеличенным изумлением при-вскочил на стуле.

– Вы шутите, дитя мое, – пролепетал он.

Мне доставило наивное удовольствие это его удивление, и я сказал не без самодовольства:

– Нисколько не шучу. Моя покойная мать была родной сестрой Питера Варстрема. С братом она была в ссоре, и они не видались больше двадцати лет. Но, умирая, она потребовала, чтобы я поехал в Столицу к дяде и попросил его меня устроить. Она написала к брату письмо, и это письмо я везу с собой.

– Но, дитя мое! – с какой-то нежностью воскликнул старик. – Вы знаете, что такое Питер Варстрем?

– Знаю: человек очень богатый, владелец одного из величайших в мире банков.

– Очень богатый! Он говорит: очень богатый! Питер Варстрем миллиардер и даже архимиллиардер! Он может купить всю Европу, и у него останется достаточно денег, чтобы по-

строить себе дворец на вершине Монблана и содержать двор в тысячу человек! Он может тратить по полмиллиона ежедневно и будет проживать только свои доходы! Питер Варстрем – король мира, потому что правительства всех стран – его должники и готовы повиноваться его малейшему жесту. Если он скажет сегодня: хочу, чтобы Азия пошла войной на Европу, – завтра все железные дороги с Востока на Запад будут заполнены желтокожими, и через месяц во всех столицах Европы будут править манджурские губернаторы! И этого человека вы называете своим дядей! Да нет! Вы надо мной смеетесь или заблуждаетесь сами. Не может племянник Питера Варстрема сидеть в трактире «Синей Сирены» и пить вино, которым его угощает старый Тобби!

– Повторяю вам, – возразил я уже строго, – что здесь нет ни насмешки, ни ошибки. Я точно племянник того человека, которого вы величаете королем мира. Но действительно, в то время, как он властвовал над правительствами всех стран и замышлял дворцы на вершине Монблана, его сестра, а моя мать, бедствовала в маленьком городке на Дунае, зарабатывала гроши стенографией и умерла если не с голоду, то все же от разных лишений, расстроивших ее здоровье. Ведь сказали же вы о себе: я не совсем то, чем кажусь с первого взгляда. Так и я: я тоже не совсем то, чем сначала вам показался.

Тогда старый Тобби торжественно встал, поднял стакан с остатками вина и произнес очень серьезно:

– Если так, молодой человек, не окажитесь неблагодарным. Вспомните, когда будете в славе и в силе, что старый, пьяный и грязный старик однажды, не зная, кто вы тдкой, первый подошел к вам, угостил вас вином и от души предложил вам свою помощь. Пью за ваш успех, господин Варстрем, за ваше примирение с дядей, за ваше будущее превращение, пью за то, чтобы вы скорее приняли тот образ, какой вам подобает! Будьте здоровы, помните мое имя: старый Тобби, а я сумею найти вас.

Старик протянул мне руку. У меня не было никаких причин отказать ему в своей. Мы расстались, как хорошие друзья. И через десять минут я уже был в своей комнате, тщательно запер дверь, наскоро сбросил платье и кинулся в постель с несвежим бельем, измученный, как человек, который пережил за один день больше, чем за всю предшествующую жизнь.

Из главы второй

Кажется, все было сделано, чтобы здание Международного банка производило впечатление наиболее сильное.

Дом был поставлен на широкой площади, где перекрещивались линии разных трамваев. Десятиэтажный, он, как гигантская декорация, служил фоном для непрерывных сцен, которые разыгрывала на площади жизнь Столицы. Приливали и отливали волны народа, как громадные ящеры стремительно сползали и убегали прочь вагоны, грузовые автомобили порой наводняли все свободное место, но пестрая, из разноцветного камня, достаточно безвкусная стена продолжала закрывать даль. Эти десять рядов окон, эти нестройные фальшивые колонны, этот неуместно прихотливый изгиб крыши с мозаичной картиной под ним стояли здесь, как судьба. Здание подавляло собой все кругом, а только гигантские трубы городской электрической станции, торжествуя над его вышиной, выдвигались сзади, уходя в сырой туман неба.

По мере того, как я приближался по улицам к банку, мое волнение все усиливалось. Сердце начало биться так, что я едва мог дышать. Мне показалось, что, войдя в дверь, я не в силах буду произнести ни слова. Я стыдился этого волнения, но не мог его преодолеть. Я начал медленно ходить взад и вперед по тротуару, чтобы дать себе успокоиться.

Наконец, я решился переступить порог. Из вестибюля ве-
ло три громадных стеклянных двери. Я выбрал ту из них,
на которой было написано «Канцелярия». В несообразно
большой комнате, которая по размерам могла бы служить
тронной залой в ассирийском дворце, за десятками столов
сидело несколько десятков служащих, не обративших на мое
появление никакого внимания. После долгого колебания я
заговорил с ближайшим:

– Извините, пожалуйста, как мне передать письмо Питеру
Варстрему?

Теперь я понимаю всю несообразность такого вопроса,
но тогда, по своей наивности, искренно воображал, что дядя
может немедленно принять меня.

Тот, кому я задал свой вопрос, поднял на меня глаза,
несколько мгновений смотрел на меня, вероятно, с насмеш-
кой или с презрением, потом бросил коротко:

– В отделение прошений.

– Но я вовсе не с прошением...

– Извините, мне некогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.